

Бедные диалектики

Оксана Тимофеева

Животное состояние

Жанна Долгова

Тезисы о бедности для коллективного перформанса

Екатерина Иванова

Российское бедное. Отчет о художественном исследовании

Лена Ревунова и Анна Курбатова

Мемориал Бессмертной Армии Бедных

Павел Хайло

Цитаты из видеоработы *Бедности 24*

Екатерина Щеголькова

Чехов встречает Брехта.

Анастасия Волохова

Vita sanra

Мария Рыбка и Анастасия Макаренко

NICHEGONET. Униформа бедных.

Артем Терентьев

Концепт бедности в трех зарисовках

Марина Машевская

Коллективное тело взаимослышания

Алексей Кузнецов

выйди на улицу – верни себе голод

Наталья Панкина

Художественные работники против эксплуатации

от редакции:

бедность/бедное/бедные/ – обращение к этим понятиям сразу же помещает нас в жесткие рамки диалектических отношений. Принуждает мыслить оппозициями:

слабое – сильное
малое – большое
фрагментированное – цельное
немощное – всесильное
бедняк – богач
вненормативное – нормализующее
угнетенный – угнетатель
колонизированный – колонизатор
и т.д.

Понятно, что проблема бедности связана с теологией – особым религиозным видением устройства мира, при этом теология освобождения рассматривает бедность и как источник греха, и как потенциальность спасения. Но не того спасения, которое переводит определенные качества в свою противоположность (бедное становится богатством и силой); спасение понимается как мистическое трансформирующее событие, отменяющее все разделения и ведущее к созданию нового мира, где сняты оппозиции мира прежнего. Как это возможно? Раньше такой тип трансформации называли революцией, приходом мессии или кенозисом. Термин «кенозис» означает самоуничтожение Христа через вочеловечение вплоть до добровольного принятия крестных мук и смерти. Кенозис явился актом самоотречения – Иисус отказался от своей неограниченной божественной власти, воплотившись в человека и приняв образ раба, не переставая, однако, быть богом. Этим актом он демонстрирует возможность нового типа трансформирующей, учреждающей власти: отказ от силы ради обретения того, что больше, чем сила, – справедливости, равенства всех со всеми, преодоления конечности жизни. Позднее подобные теологические предпосылки часто становились основой для множества философских концепций – стоит упомянуть Агамбена, который в своей книге «Логика миров» говорит о «бытии как слабости», слабости, соответствующей в то же самое время «хрупкому, почти тайному упорству жизни, которая остаётся у того, у кого уже ничего не осталось».

Проект модернистского искусства (его основания) во многом строится на светском, секуляризованном понимании кенозиса. Искусство «самоуменьшается», преодолевает свою «силу» – отказывается от зрелищности, визуальной мощи, тотальности и предстает незаметным, слабым, виктимным в надежде

на утверждение принципов радикального равенства, трансформации общества и, не в последнюю очередь, своего воскрешения в архиве.

В современном искусстве сейчас практически нет дискуссии о бедности, зато много разговоров о прекарности и спекуляций о возможностях её преодоления. Очень немногие готовы мыслить, действовать и радикализировать свою прекарность, отказываясь от гарантий стабильности и успеха и настаивая на усилении пограничности, дисциплине хрупкости, аскетизме неустойчивости и самоотречения. Важно, что искусство постоянно ставит под вопрос этику репрезентации: может – и должен ли – художник показывать бедных, сырых, всех тех, кто лишен возможности высказывания, и если да, как и зачем? Вопрос этот занимает искусство уже очень давно. Единственный ответ на эту этическую проблему – солидарность, открытие в себе «состояния бедности». Именно это позволяет художнику уходить от ловушек морализаторства, назидательности и лицемерия. Потому что мы всегда обладаем возможностью, несмотря на привилегии «культурных работников», познать и продемонстрировать трагический трансформирующий опыт бедности. По словам Ежи Гротовского, это состояние «обнаженного», «безоружного», «бедного» переживания жизни оказывается спасительным в рамках новой – мирской, нецерковной – этики.

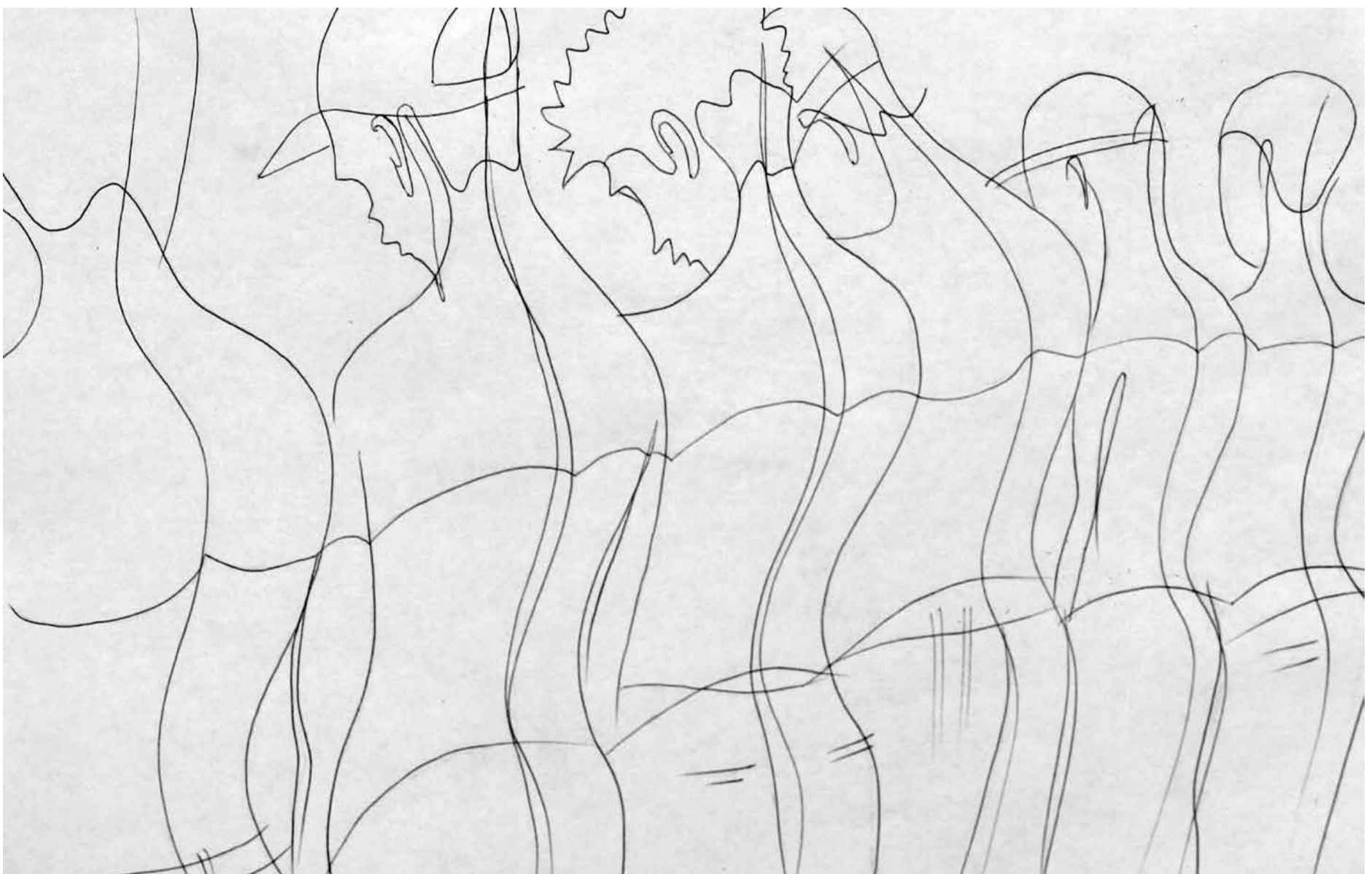
В нашем проекте мы хотим продемонстрировать реалистические, нарративные художественные практики и этику репрезентации, позволяющие анализировать и выявлять разные грани и градации бедности, говорить о феномене нищеты современного общества, которое уже не способно ни видеть достоинство бедных, ни мыслить возможность своего освобождения. Убогий мир убогих желаний, убогого проживания требует своего обнажения, привнесения сознания и веры – способности видеть, чувствовать и мыслить мир таким, каким он может стать.

О конкретике места и действия. Когда мы, тьюторы ШВИ, стали задумываться о теме бедности/бедные как общем лейтмотиве весеннего семестра, мы исходили из нескольких факторов: местоположение школы в пространстве Лиговского 50, очевидные признаки новой волны обнищания в стране, а также субъективный фактор восприятия себя участниками школы в качестве бедных людей, живущих в экономически очень стесненной ситуации.

Лиговский 50 – уникальное замкнутое пространство, находящееся в самом центре Петербурга у Московского вокзала. Когдаходишь, сворачивая с Лиговки, в переулки этого места, создается ощущение, что ты оказался в каком-то другом мире, мире маленького российского провинциального городка. Этот район бывших железнодорожных складов (до этого – Кокоревских), который оказался приватизированным разными хозяевами и каким-то загадочным – петербургским – образом смог выстоять в неизменённом состоянии, пережив все волны городского потребительского девелопмента. Сейчас это район «офисов класса Д», магазинов, торгующих оптом недорогим ширпотребом, шаверм, столовых с дешевыми комплексными обедами, студиями популярных в народе танцев, ремонтом машин, различных «серых» бизнесов и относительно недавно возникшей сцены «андеграундных» баров и клубов. Ни мастерских художников, ни креативных индустрий в этом месте никогда не было, и нет. Днем по выходным (время начала нашего фестиваля) эта территория представляет собой тихое и заброшенное пространство, с малозаметными следами деловой суеты. Все эти факторы отчасти и спровоцировали нас на решение погрузиться в эту среду и посмотреть, как она отзовется на присутствие художника.

При этом наш проект вряд ли может стать предпосылкой джентрификации, как им не смогли стать огромные деньги и аппетит множества инвесторов. Хотя бы потому, что, в отличие от ориентированности на производство красивых, умных и критических объектов, представленные работы участников ШВИ скорее способны серьезно «напрячь» поклонников искусства нашего города. Да и делаются они не для них, равно как и не для скромных обитателей района, населяющих его с десяти утра и до семи вечера по будним дням и торопящихся поскорее его покинуть. Они обращены к тем, кто, как и участники школы, не стыдится своих пустых карманов, отсутствия автомобиля в кредит и квартиры по ипотеке. И пафос этих высказываний адресован, прежде всего, простым людям, у которых пока нет времени и сил, чтобы, по точному выражению одного из самых провокативных слоганов фестиваля, «выйти на улицу и вернуть себе голод». Когда они это сделают – но не потому, что прочитали Агамбена или посмотрели какой-то перформанс, – тогда, скорее всего, мы вместе сможем «говорить на одном языке». А пока мы ждем тех, кто готов вместе с нами попробовать «вернуть себе голод». Иначе ничего не получится. Искусства – тоже.

графика из домашнего задания ШВИ «Копируем бедность». Копии шариковой ручкой на листке формата А4 любых произведений искусства, связанных с темой бедности/бедного.

Оксана Тимофеева

Животное состояние

Животные бедны. У них нет ни собственности, ни владений. Они живут без денег и товаров. Животная жизнь, или душа – *anima* – населяет тело, которое либо принадлежит хозяину, либо оно ничье. В соответствии с нормами законодательства животных традиционно относят к вещам особого рода (одушевленным вещам) и применяют к ним правила об имуществе. Сами же они неимущие, которые не просто не могут, а не умеют иметь. «Чья это собака?» - Не имея ни дома, ни адреса, ни одежды, ни документов, она выставлена напоказ и бесконечно уязвима перед любым насилием и произволом. Кто-то в ее бездомности и нагоде видит чудесную, неперевожимую на человеческий язык свободу. А кто-то боится умереть как собака, на улице, оставшись ни с чем. Это главный страх бедности. Бездомный возьмет собаку, и она станет его скудным имуществом, займет место среди лохмотьев и картонных коробок. Он будет делиться с собакой своей едой. Бездомный и его собака станут есть из одной миски и спать под одним одеялом. Может быть, он всегда был беден, а может быть, он все потерял или у него забрали. Бедность приблизила его к животным и удалила от людей. Вместе с собственностью, жилищем, документами, он утратил то, что принято называть человечностью. Он так говорит: «*впал в животное состояние*», «*утратил человеческий облик*». Помнит ли он еще свое имя? Остались ли у него ценности? – Вероятно, нет, ведь ценности – это то, за что есть цена, а ему совсем нечем платить. Но он умеет иметь, и это умение удерживает его в мире людей. Это *его* собака.

Собственность является одним из способов дистанцирования человека от животного. Материальные или нематериальные ценности образуют фундамент человеческого общества, а те, кто ими не владеет или владеет в недостаточной мере, оказываются его отбросами. Бедняки отодвинуты к периферии человеческого мира, а то и вовсе выталкиваются за его границы. Утрата вместе с собственностью человеческого облика грозит им потерей личной свободы, переходом в разряд безмолвного имущества. Ценности и владение собственностью защищают людей от попадания в рабство, на которое их может обречь бедность.

Будучи изгоями капиталистического мира, бедняки, тем не менее, представляют собой его неотъемлемую часть. Именно на них держится социальная пирамида; именно они производят ценности, от владения которыми их отделяет их же труд. Если на уровне политико-экономическом главное противоречие капитализма – между трудом и капиталом, то на уровне социальном оно сопровождается разрывом между бедными и богатыми. Этот антагонизм проходит не только через все общество, но также через наше собственное животное тело, которые мы пытаемся капитализировать и сделать рабом наших ценностей.

В то же время, бедные, рабочие люди воплощают сегодня надежду освободительной мысли, основанной на вере в возможность построения нового, справедливого мира, первоначальным условием которого является восстание труда против капитала. Связь между бедностью и спасением, однако, была установлена не сегодня и не вчера. Она отсылает к докапиталистической эпохе, к раннему и средневековому христианству, в котором бедность носила ореол святости, а животные считались невинными существами, не знавшими греха и никогда не покидавшими небесного царства.

Святой Франциск Ассизский верил, что животных можно приобщить к универсальному Божьему закону, но лишь освободившись от собственных грехов и через обретенное таким образом знание вновь приблизившись к их невинности и наивности. Он стал проповедовать птицам и лесным зверям: как рассказывают, его проповедь имела успех. По легенде, Франциску удалось обратить даже «брата волка», который был злым, а после стал добрым; животные собирались вокруг святого отца, слушали его и задавали ему вопросы, каждое на своем языке, чтобы затем - каждое на своем языке - бесконечно славить Бога. Для того, однако, чтобы разговаривать со зверями и птицами, необходимо было пройти нелегкое очищение, избавиться от всего лишнего и внешнего, стать бедным, как звери и птицы. Проповедь животным, распахивавшая для них двери в праведную жизнь, была

возможна в ту пору, когда бедность - и даже нищенство - не только не считались пороком, но и наделялись особым сакральным статусом. Ситуация изменилась с наступлением Нового времени, с моральными трансформациями западного общества, сопровождавшими зарождение буржуазной культуры и описанными Максом Вебером в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). Вебер указывает, в частности, на изменение отношения к бедности в период реформации, когда причастность к благу, всеобщему и индивидуальному, начинает измеряться собственностью, обретенной праведным трудом. Нищета же ассоциируется с праздностью и поэтому не заслуживает ни одобрения, ни поддержки.

Вслед за Вебером, Мишель Фуко в первой части своей знаменитой книги «История безумия в классическую эпоху» обращает внимание на то, как в ходе Реформации в связи с возрастанием этической ценности труда праздность подвергается моральному осуждению, а нищета утрачивает ореол святости и становится преступлением против общественного порядка:

...возникает опыт нового пафоса, когда человеку ничего не говорят ни о блаженстве страдания, ни о спасении, в котором соединятся Бедность и Милосердие, а лишь подсказывают его обязанности перед обществом и внушают, что убогий бедняк - это результат царящего в обществе беспорядка и одновременно помеха, не позволяющая восстановить порядок. <...> ...нищета выпадает из диалектики унижения и славы; отныне ее место - в пределах соотношения порядка и беспорядка; внутри категории виновности. <...> Из сферы религиозного опыта, ее освящавшего, она соскальзывает в область моральных категорий, где подлежит осуждению (1).

Такого чудака как Франциск в этот период, очевидно, сочли бы не святым, а безумным и поместили бы в изолятор вместе с бродягами, попрошайками, нищими, калеками, гомосексуалами, проститутками, либертенами и прочими утратившими человеческий облик преступниками против буржуазной морали: «*Если и есть в классическом безумии нечто запредельное, некий отзвук иного, то уже не потому, что безумец приходит из чужих краев, из мира помешательства и отмечен его печатью – но потому, что он по собственной воле преступает границы буржуазного порядка и, лишенный рассудка, оказывается вне его сакральной этики*» (2).

Безумец, который, по словам Фуко, «с точки зрения средневековой идеи милосердия заключал в себе толику тайного могущества нищеты», перестает быть вестником сакрального мира, этой нищетой увенчанного, и отправляется в ад разнузданной животности, буйство которой для рациональной геометрии становящегося таким образом нового мирового порядка страшнее проказы: не случайно местом приюта умалишенных становятся бывшие лепрозории. Преступные нищета и праздность сочетаются в фигуре безумца с животным, нечеловеческим началом, ведь человек, и особенно человек классической эпохи - это тот, кто мыслит. Тот же, кто не мыслит - не человек. Поэтому, как показывает Фуко, умалишенные практически приравниваются к животным, и места изоляции, куда их помещают для исправления, в своем внутреннем устройстве мало отличаются от зверинцев. Изоляция направлена на то, чтобы обезопасить разум от безумия, общественный порядок - от разгула беспризорной нищеты, а человека - от животного, в которое он может превратиться.

Классическая эпоха, по мысли Фуко, характеризуется появлением разнообразных практик исключения. Бедняк, безумец, преступник, зверь оттесняются за границы человеческого, то есть буржуазного, мира. Все неблагонадежные элементы надлежит изолировать. Фуко объясняет феномен изоляции как принадлежащий сфере правопорядка, который есть не что иное, как «*совокупность мер, обеспечивающих возможность и одновременно необходимость трудиться для всех, кто не может прожить иначе*» (3). Вот для чего нужен правопорядок, борющийся с праздностью: необходимо заставить бедных работать.

Как бы в противовес протестантской этике и духу капитализма некоторые современные философы утверждают своего рода «*францисканскую этику и дух коммунизма*», все чаще оглядываясь на средневековое и раннее христианство, которое уже видело некую

власть в нищете и противопоставляло ее нищете власти, замаскированной богатыми владениями официальной церкви и государства. Бедность, в этой традиции почитаемая, обещает раскрыть особые возможности коммуникации, послужить основой подлинного сообщества. Такого, в которое каждый волк мог быть включен как равный, как «брат».

Так, Дж. Агамбен обращается к описанию регламентации быта францисканских монахов, разрабатывая на его основе понятие формы жизни как «высшей бедности», которая состоит в одном только пользовании вещами без владения ими (4). Это жизнь по ту сторону собственности. Она не принадлежит тому, кто ее проживает, но, скорее, находится в общем пользовании. Слово «общее» здесь является ключевым, так как задает мотив общности, совместного бытия, формирующегося посредством коллективных аскетических практик. В свою очередь, М. Хардт и А. Негри напрямую связывают францисканскую бедную жизнь с коммунистической утопией:

Пролить свет на будущее коммунистической борьбы могла бы одна старинная легенда — о святом Франциске Ассизском. Вспомним его деяния. Чтобы победить нищету масс, он принял ее как данность и открыл в ней онтологическую силу нового общества. Борец-коммунист делает то же самое: он видит в нынешнем положении масс условие их невероятного богатства. Франциск, в противоположность зарождающемуся капитализму, отверг любую инструментальную дисциплину, а в противоположность умерщвлению плоти (в нищете и смиренном согласии со сложившимся порядком) он проповедовал счастливую жизнь со всеми радостями природы и естества, со зверушками, сестрицей-луной и братом-солнцем, с полевыми птицами, с несчастными и измученными людьми, объединившимися против сил власти и разрушения. В период постсовременности мы снова оказываемся в тех же условиях, что и Франциск, противопоставляя убожеству власти радость бытия. Вот та революция, которую не сможет остановить никакая власть, поскольку биовласть и коммунизм, кооперация и революция объединяются — в любви, простоте и невинности. Это и есть безудержная радость быть коммунистом (5).

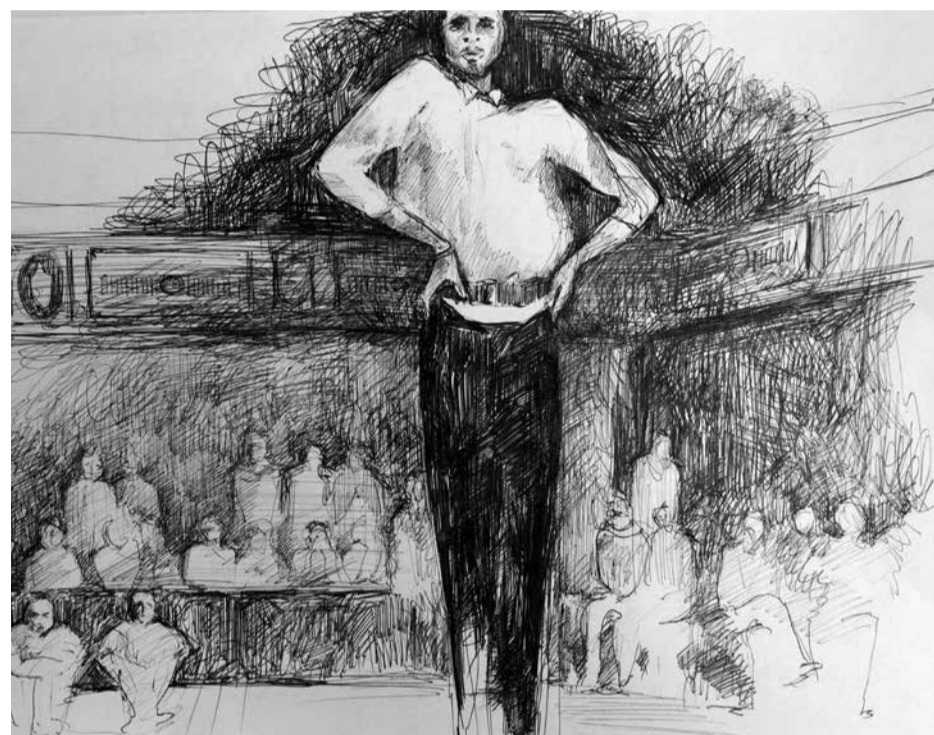
Я хочу, однако, обратить внимание на то, как неразрывно связаны между собой во взаимном отрицании протестантская этика и дух капитализма, с одной стороны, и францисканская этика им дух коммунизма, с другой. В обоих случаях бедность рассматривается в моральных и религиозных терминах — либо как порок, либо как благодать. Бедность как форма жизни становится стилем, одной из практик потребления, знаком принадлежности к определенной нон-конформистской субкультуре и т.д. Добровольная аскеза, культивируемая современными людьми, кажется переводом монашеских практик, описанных Агамбеном, на язык современной жизни, осознанная форма которой предполагает наличие определенных этических конвенций, наподобие тех, о которых поется в песнях группы «Аркадий Коц» («Быть рабочим не стыдно»; «Стыдно быть богатым»).

Воздавая хвалу бедности, не стоит забывать, что она не сводится к свободному этическому или эстетическому выбору стиля и образа жизни. Сочетание францисканской этики и духа коммунизма может приводить и к романтизации бедности как какого-то более возвышенного состояния, и к ее сакрализации, и к виктимизации — когда бедные представляются лишенными субъективности жертвами, страдание которых — наравне со страданием животных — вдруг оказывается объектом бесконечного любования. Бедность сама по себе — не хороша и не плоха. Бедность не выбирают: по ту сторону добра и зла, за пределами религиозного чувства и моральной драмы, она является важнейшим симптомом несправедливости общественного устройства, борьба с которым — дело первостепенной важности для существа любого вида, расы, пола, возраста и материального достатка. В основе этого устройства лежит многовековое представление о власти и превосходстве одного над другим — человека над животным, мужчины над женщиной, свободного гражданина над рабом, богатого над бедным. Радикализация социального антагонизма, проходящего по этим линиям — это вопрос не религии и морали, а политики и борьбы, в которой общность формируется не из добродетели и стыда благородных людей, а из ярости и бесстыдства голодных зверей.

Примечания:

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга. 1997. С. 74.
2. Там же. С. 88.
3. Там же. С. 78.
4. См.: Agamben G. The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life. Stanford: Stanford University Press, 2013.
5. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 380.

текст написан на основе главы «Кони в законе: набросок к философии животного» из книги: О. Тимофеева, Введение в эротическую философию Ж. Батая. (НЛО, 2009)

Жанна Долгова

Тезисы о бедности для коллективного перформанса, нашептанные мне соблазняющими голосами теории и встреченные по краю ранящего и угрожающего кулака

Группа участников школы и танц-художников организовалась вокруг территории Лиговского 50 для участия в проекте Лаборатории коллективного тела взаимослышания. Наш процесс направляет Марина Шамова. Итогом этой важной и волнующей совместной работы станет коллективный перформанс. В ходе наших встреч, повлекших сомнения, открытия, интуиции и происшествия, появился этот текст.

1. Мы бедные. Бедные – это мы. Мы хрупкое меньшинство. Стратегически важно понимать, из какого места мы говорим, понимать, что мы и есть бедность. В своем перформансе мы пребываем в своей бедности (мы о ней и из нее самой говорим, мы – говорящая сама за себя бедность, мы и есть ее образ, нам не нужно производить какой-либо еще дополнительно, наши тела и так его производят, и произведут вновь)

2. Мы исследуем свой (телесный) опыт бедности, но не только как опыт лишенности (или ограниченности) средств к физическому существованию, а как опыт существования в исключенности из господствующего дискурса – капиталистического, сексистского, гомофобного, фашистского, дискурса ненависти к другому и его неприятия. Мы предъявляем этот хрупкий и эфемерный опыт и вместе с тем – опыт предельно материализованный, так как он – в нашем теле.

3. Мы осваиваем в своей бедности места и территории, где мы можем играть, чувствовать, значить. Места, где мы можем вносить разрывы в значения господствующие и не считающиеся со значениями нашими.

4. Мы производим позиционное знание о бедности. Наше производство – не исключаящее телесность познающего и ее влияние на результаты познания, а предельно включающее все специфики наших тел – наших познающих и чувствующих инструментов. В качестве перформеров мы имеем пол, гендер, возраст, рост, цвет кожи, цвет глаз, длину волос, температуру тела, способы двигаться и говорить, желания и позиции.

5. Тело – наш стратегический рубеж сопротивления. Тело не должно быть прозрачным экраном. Я – воплощенная телесность. Те различные места, где мы находимся, телесные и ментальные, становятся проявленными не только через движения тела (как движения его «частей»), но и через речь – телесный и языковой автоматизм. Так, мы можем одновременно утвердить специфическое, укорененное в опыте каждого/каждой ментальное знание о бедности, существующее в языке, и его реальное (материальное) воплощение, вырывающееся из говорящих ртов – с разными субъективными скоростями, тембрами, громкостями, интонациями и вибрациями.

6. Мы производим свой бедный, «обломанный» язык, собранный (собирающийся в наших телах и субъективностях) из частей и обломков Языка Большого (или даже – частей Логоса).

7. В опыте бедности важен и необходим опыт производства коллективной надежды на радикальные преобразования (радикальное равенство): опыт солидарности «бедных» тел (тел «слабых»), механизмы внимания, понимания, взаимного достраивания, производства коллективных решений, опыт чувствования друг друга и тех связей, что мы завязываем и производим (как чувствовать вместе?). Тех связей, что мы предъявляем как поэтику бедности и ее слабую (или сильную!) силу.

8. Мы хрупкие. Наши тела и жизни хрупкие тоже. Наша красота не признана, нам суют под нос свои зеркала злые мужчины, им не терпится обрушить на нас свои крепкие кулаки. От вопроса «что происходит?» до удара – какое расстояние? Но если мы приспособим друг к другу, соединим наши бедные части, разлом к разлому, разрыв к разрыву – сможем ли мы стать Композицией гибкой потенциальности?

9. Против дихотомий. Бедности, как и телу, чтобы его определить, не нужны дихотомии, наличие которых означает лишь все новые виды исключений. Бедность будет парить свободно в своем полете, прорывая разделяющую оппозиционные пары черту и сама этой чертой являясь.

Екатерина Иванова

Российское бедное.

Отчет о художественном исследовании

Бедность - понятие банальное и скользкое. Автоматически относишь его к бомжам, невымытым голодным детям, старушкам, считающим копейки, целым странам. Потом вдруг перескакиваешь на бедность фантазии, бедность как убогость. «Бедный!» - говорим мы о том, кого жалеем, иногда потому, что он слишком жалок, чтобы его ненавидеть. Потом вспоминаешь св. Франциска, игольное ушко, потом радуешься за бедных - деньги зло! потом переживаешь - а если болезнь? Можно еще бояться - беднота груба, восхищаться - жизнь духа! Потом спросишь себя: «Ну а я-то, бедный?» - «Допустим, да», - но придет другой и застыдит, ведь ты только что съел пирожное, и штанов у тебя не одна пара. Скажешь, что ты богат, и другой ответит, что ты дурак, что даже штаны-то твои все дырявые, а пирожное - имитация, и вообще ты «несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». И вот ты уже не знаешь - хорошо это или плохо, где бедность начинается и заканчивается, бежать от нее или к ней стремиться? Сочувствовать или презирать (того, кто возомнит себя бедным)? Растянутый, как на дыбе, между стяжательством и аскетизмом ты уже не понимаешь, что за этим банальным, таким привычным словом скрывается.

Тут тебе на помощь приходит государственная статистика - они уже все подсчитали. Выяснили, сколько нужно человеку в этой стране, чтобы удовлетворять базовые потребности. Удовлетворяешь, значит не беден, значит ты средний класс - «опора государства и охрана закона». У нас в стране есть понятие «прожиточного минимума» - в 4 квартале 2015 года величина ПМ в целом по стране составляла 9452 рубля на душу населения. Эта сумма, меньше которой не имеют права платить работодатели, и если твой ежемесячный доход до этой суммы не дотягивает, значит ты можешь (собрав внушительную кучку необходимых бумаг), получить статус малоимущего гражданина и рассчитывать на государственную помощь (состоит она в том, что тебе доплатят до полного ПМ).

Так вот, по исследованиям Института социологии РАН в России сейчас за порогом бедности (на сумму меньше прожиточного минимума) живет около 25% населения, около 7% находятся в зоне риска (их доходы превышают ПМ не больше, чем на 10%), и еще 46% относятся к малообеспеченным (их доход составляет от 1,1 до 2 прожиточных минимумов), оставшиеся 22% имеют доход от 2 ПМ и больше. Есть еще однако 2% наиболее богатых, тех, что в статистических подсчетах никогда не участвуют.

Немного для расширения кругозора: зарплата депутата Госдумы, тем временем, в 2015 году в среднем составляла 390 тысяч рублей. И это не считая списка льгот, занявшего бы весь газетный разворот. А *декларированные* доходы членов администрации президента варьируются в промежутке между 10 и 40 миллионами в год (примерно от 900 тыс. до 3 млн. в месяц).

В ноябре 2015 года я решила поставить над собой эксперимент и честно на этот прожиточный минимум (10899,9 рублей для трудоспособных граждан в Санкт-Петербурге) месяц прожить. Не то чтобы я совсем себе не представляла какво это, однако, поскольку я не имею стабильного дохода и живу не одна, точности и определенности в моих представлениях не было. Надо сказать, что идея это не новая - многие себя так испытывали, но личный опыт ничто не заменит.

Что мне стало понятно: на эти деньги я практически не могла позволить себе есть вне дома (что часто требовалось, так как я учусь и вне дома провожу большую часть времени). Еда стала навязчивой идеей, потому что если хочешь уложиться, не влезть в долги, не паразитировать, если знаешь, что манна небесная на тебя не свалится, то надо все распланировать, рассчитать на два хода вперед, купить и приготовить заранее, ведь пачка пельменей стоит 125 рублей, а пачка перловки 20.

Далее: современный продовольственный рынок предлагает широкий разброс цен. Можно купить сосиски за 30 рублей, правда это будут не совсем сосиски. И вот, стараясь сэкономить, начинаешь экспериментировать с различными видами недососисок, недосыров, недопомидор, доплачивать нужно за все: за полезность, за отсутствие риска, за вкус. И не утетишь уже себя вкуснейшим бедняцким хлебом - бедняцкий хлеб теперь безвкусен, если только ты не испечешь его сам.

И тут мы переходим к следующему пункту. Ничем бедный так не беден, как временем. Не на транспорте, а пешком, не в ближний магазин, а в дальний, не хватаешь колбасу с полки, а долго и тщательно изучаешь цены. За каждую копейку - минутку.

На это все можно вроде бы возразить - тратить больше времени на работу, и не придется тратить его на экономию. И тут нам на помощь снова приходит статистика. Русские бедные - это работающие люди, или те, кто работать не могут (старики и дети), безработные составляют около 1% от малоимущего населения.

За этот месяц я не сделала ни одного крупного приобретения, почти ничего не потратила на транспорт (мои маршруты позволяют ходить пешком), не покупала одежду, не тратила на развлечения. Около 40% ушло на еду (да здравствуют горох, морковка, гречка!), около 15% на непродовольственные товары и около 45% на услуги. В услуги я включила 2500 тысячи квартплаты (средняя по городу плата за однокомнатную квартиру в ноябре) и вынужденные траты на еду вне дома. Сюда же я включила 500 рублей, которые потратила на глинтвейны: два по 100 рублей и один за 300 (больше и вкуснее). Это был срыв, борьба с унынием, упадком сил, отдушина, иррациональный бунт. Позже одна девушка рассказывала мне, как в затянувшийся период жесткой нищеты она срывалась и шла покупать шмотки в секонд-хенд, целые кучи дешевых шмоток.

И еще: твердое понимание того, что отведенная на месяц сумма никак не сможет вырасти, что нельзя занять, украсть, подзаработать, вынуждало все время считать, считать, считать: деньги и время, время и деньги. Это превращало меня в автомат, это злило меня, что в свою очередь меня удивляло. Когда эксперимент подошел к концу, я наполнилась жадным желанием наслаждаться, об аскетизме и духовном богатстве - не думалось.

Елена Ревунова

Проект мемориала Бес

Текст гимна

Русскоязычный подстрочник
(пер. с др.-бедн.)

бедняки-с-плотью сердечно
приветствуют бедняков-без-плоти
да, нас одолевает легкая досада,
что сейчас мы не можем пожать друг другу
руки лапки и любые другие части
на ваше и наше усмотрение
но мы знаем что вы обязательно оживете
когда катастрофа великого праздника бедноты
навсегда изменит этот мир
и наконец-то поможет ему свершиться

**рассекая время и пространство
мертвецы вступили с нами в братство
голоса отчетливо слышны
мы хотим еды мы хотим любви**

дух бедности веет над нашими головами
проникает в органы
пишет нищую историю наших нищих судеб
он сделал нас нами
и передал нам вашу силу вашу ярость
ваш ум ваше великодушие вашу верность
и ваше терпение
мы принимаем эстафету во имя
преемственности бедноты в затянувшемся
всемирно-историческом действе
«добейтесь всеобщего равенства»

и мы не сдадимся

**то что вы доделать не успели
стало нашей целью с колыбели
пой бедняк сражайся и ищи
нашу сытозвёздочку в ночи**

пока на свете остается хотя бы один бедняк
за его спиной стоит армия
всех существовавших бедняков
пока дух бедности не будет весело скручен
в рог всеобщего изобилия
из могил продолжают звучать голодные голоса
вторящие голосам голодных живых
и всё смешивается в едином гуле

**мертвецы не вы
мертвецы не мы**

и Анна Курбатова
смертной Армии Бедных

Павел Хайло

из видеоработы “Бедности 24”

Адам вкусил от яблока и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было. И даже больше того. Первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме самой себя.

Карл Маркс,
Капитал, Том 1

Для тех, кто не является художником и для кого нет другой жизни, кроме фактического существования, страдание – единственная дорога к совершенству. Тот русский, который живет при нынешней системе правительства в России или не должен вообще иметь души, или имеет душу совершенно неразвитую. Большинство людей разрушают свою жизнь из-за нездорового и чрезмерного альтруизма. Они окружены бедностью, безобразиями, голодом. Намного легче симпатизировать страданию, чем симпатизировать чьей-либо мысли.

Оскар Уайльд,
Душа человека при социализме

У нас нет другого призвания, кроме развития нашего ума и сердца, и, чтобы в этом помочь нам, а в случае необходимости принудить, Провидение предписало нам закон о бедности: «блаженные нищие духом». Бедность есть принцип общественного порядка и наше единственное земное счастье.

Пьер Прудон,
Бедность как экономический принцип

Щеголькова Екатерина

из рабочих материалов к постановке фильма
“Бедная пьеса”. Чехов встречается Брехта. Зачем
нам нужно ставить нашу Чайку, про что, и как.

Начиналась в голове автора пьеса Чайка так: «Я назначен попечителем школы в селе, носящем такое название: Талеж. Учитель получает 23 р. в месяц, имеет жену, четырех детей и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы вы ни заговорили с ним, он все сводит к вопросу о жалованье. По его мнению, поэты и прозаики должны писать только о прибавке жалованья; когда новый царь переменит министров, то, вероятно, будет увеличено жалованье учителей и т.п.» Из письма А.П. Чехова А.С. Суворину 27 ноября 1894 года. «Пьеса»: учитель 32 лет, с седой бородой». Это вот первые наброски Чехова.

Бедность как побудительный момент, мотив, сюжет.

Почему? Бедность – самое грубое проявление реальности. Не жестокое, а именно грубое – примитивное, плоское, упрощенное, пошлое (А также факт, отлично вскрывающий отсутствие эмпатии, разобщенность среди людей.) А художник, поэт, драматург, актриса (последние – основные персонажи Чайки Чехова) – список можно продолжить – это человек, как аист (сказка про Мутабор), альбатрос (программное стихотворение Бодлера), Чайка, пребывающий в своей

гипертрофированной субъективности, солипсизме, художественно, образно, рекурсивно воспринимающий реальность, живущий иллюзиями. Вот бедность, нужда, кусок хлеба, стесненные обстоятельства – все это та палуба, на которую падает бодлеровский белоснежный альбатрос.

Все герои – от драматурга Треплева, у которого нет денег, чтобы даже выехать из поместья, или прилично одеться, который чувствует себя приживалой, до Нины Заречной – вынужденной ездить на гастроли по провинции с второсортными труппами в общих вагонах с мужиками, терпеть назойливое внимание купцов и пр. (ну чем не рассказ Германа?) и прочие – все бедны.

Конечно, бедность не единственная тема и единственная сюжетная линия в Чайке. Тем она и похожа на нашу пьесу. Сюжет – наивная категория по Барту. По Брехту. Есть метапозиция, сверхзадача. Есть способ рассказать историю. Есть оппозиции, которые нужно взрывать в голове у зрителя, показывая их равнозначность, амбивалентность для последующего выстраивания новой иерархии вещей, не привычной, автоматической, а осознанной:

Вот они в нашей пьесе:

– искусство-реальность, в нашем случае и в случае «Чайки» – да, да, о да, множественное рекурсивное воспроизведение этой оппозиции. Пьеса про драматурга Костю Треплева, который написал модернистскую пьесу – «Люди, львы, орлы и куропатки» – символическую космогонию – чем не сценарий про «Сирийских беженцев и артистов балета»? Искал новые формы в искусстве. Утопическая затея, конечно. Художники каждый со своей позицией и видением – собравшиеся вместе, чтобы сделать перформанс, видео или инсталляцию на тему бедности.

Прекрасно. Какая чудесная ситуация! Сколько возможностей для рефлексий, самоиронии. Какая чудесная рекурсия, бьютифул! Порассуждаем об искусстве, что оно, так сказать, нам и кому должно.

Секция спортивно-социальных исследований* Бег от бедности с препятствиями

Бег – одна из самых распространенных метафор для описания механизма выживания в современной экономике. Используя ее, как правило, подразумевают не только вынужденную необходимость постоянного движения, но и более

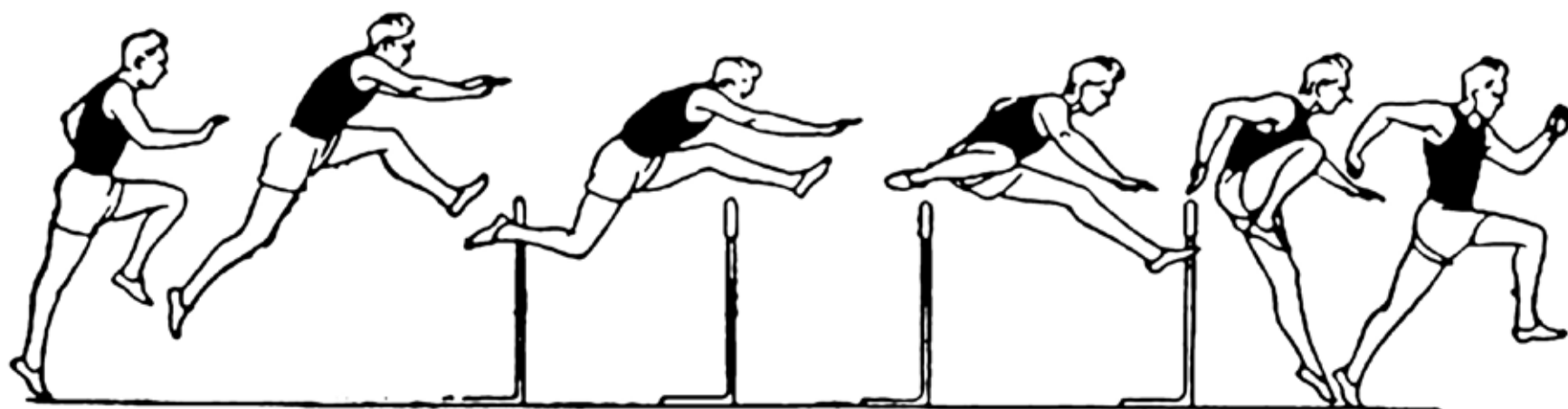
комплиментарные элементы: равенство стартовых возможностей, прозрачность правил, предсказуемость барьеров для преодоления.

Минус (плюс?) этой модели в том, что в ней только один субъект – бегущий.

Но что происходит, если преграда тоже начинает действовать? Секция спортивно-социальных исследований переносит метафоры в реальное пространство и предлагает на себе узнать, какого это мчаться вперед, когда другие

становятся препятствиями на пути; и какого это бездействовать, когда над тобой стремглав проносятся молодые и успешные. Где место художницы/художника в разговоре об угнетенных, и с какой позиции вести этот разговор?

* работа секции инициирована Павлом Хайло

Мария Рыбка и Анастасия Макаренко NICHEGONET. Униформа бедных

Рисунок: Анна Курбатова

Одежда – один самых главных идентификаторов социального положения, уровня достатка и принадлежности к тусовке.

Одежда - красота. Одежда – скрывает. Одежда – подчеркивает. Одежда – утешает. Одежда - любовь.

Мы бережно храним одежду, чистим, гладим, следим за распродажами, чтобы позволить себе «правильный бренд», или охотимся на «правильное» старое барахло.

Мы не хотим показаться «бедным» или подчеркиваем свою «бедность»?

Зачем проводить долгие часы в торговых центрах, на рынках и в секонд-хэндах?

Бедная униформа – вот выход. Больше не нужно подбирать наряды. У окружающих больше нет вопросов, кто перед ними. Вы - бедняк.

Анастасия Макаренко

Психологический тест:

Станете ли вы бедным и бесперспективным?

Прогнозы экономистов на 2016 год не утешают. Евро уже никогда не будет стоить 45 рублей. Как вы будете жить в ухудшающихся условиях? Готовы ли к бедности?

1. Ваша зарплата

- а) до 15 000
- б) от 15 000 до 35 000
- в) от 35 000 до 60 000
- г) непечатная цифра

2. В детстве вы часто слышали:

- а) Экономика должна быть экономной
- б) Богатые тоже плачут
- в) Курочка по зернышку клюет
- г) Копейка рубль бережет

3. Вы завидуете богатым?

- а) да
- б) нет
- в) да, иногда я себе завидую

4. Как вы относитесь к роскоши?

- а) могу позволить себе больше, чем роскошь
- б) я продал/а свой единственный предмет роскоши
- в) 189 рублей за 1 кг огурцов – это роскошь

5. У вас есть богатые друзья?

- а) я богаче всех своих друзей
- б) мы перестали общаться
- в) долой буржуев!

6. Что самое главное в жизни?

- а) деньги
- б) товары
- в) символические ценности

7. К какому классу вы принадлежите?

- а) высший высший
- б) высший
- в) высший средний
- г) средний средний
- д) низший средний
- е) средний низший
- ё) низший низший
- ж) когнитариат
- з) прекариат

8. Какое утверждение вам по душе?

- а) Чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам.
- б) Кто хочет пребывать в благополучии, тот должен научиться жить в нужде.
- в) Не тот беден, кто мало имеет, а тот, кто хочет многого.
- г) Корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям.

9. Ваш любимый художник

- а) Дэмиен Хёрст
- б) Йозеф Бойс
- в) Ханс Хааке
- г) Джефф Кунс
- д) Энди Уорхол
- е) Отто Мюль

10. Ваш любимый философ

- а) Джорджо Агамбен
- б) Франциск Ассизский
- в) Адам Смит
- г) Мартин Хайдеггер
- д) Стив Джобс

11. Хотите ли вы стать бедным?

- а) да
- б) нет
- в) не уверен
- г) хочу, но безуспешно

12. Ваша любимая фондовая биржа.

- а) NYSE Euronext
- б) LSE
- в) ASX
- г) SWX
- д) WTF??

Посчитайте баллы:

- а – 0
- б – 1
- в – 2
- остальные буквы – 3

Результаты:

0 - 12 – живите в праздной бедности: встречайте каждый новый день бутылочкой шампанского
13 - 20 – вы не готовы стать бедным, зарабатывайте (пока есть возможность) и откладывайте на самые черные дни
21 - 33 – становитесь бедным художником, пишите заявки на гранты, уезжайте в резиденцию, экономьте на суточных, покупайте огурцы
от 34 – вы достойно переживете кризис, или не переживете, но не менее достойно.

Артем Терентьев

Концепт бедности в трех зарисовках

*Le reste est indicible. Je me tais et marche les pieds nus**
Miracle de la rose, Jean Genet

Бедность – это девичьи ладони на темени.

Бедненький – я помню, она говорила. Я помню ее пальчики в моих волосах, ее любопытные пальчики, ее теплые ладони. Я не помню ее лица. Не помню, что со мной случилось. Не помню ее лица и даже цвета волос, хотя подозреваю, что она была блондинкой. Скорее активная, чем красивая. Втрое старше меня. Ее звали Надей. В то лето мама брала меня с собой в летний лагерь, где передавала в Надины руки. И в то лето я не запомнил ничего, кроме Надино имени и пальчиков. Сохранилось не так много подобных воспоминаний. Вот я тону в реке. Вот меня бьет мальчик, потом бьет молния. Я мокрый и не знаю куда идти. Вот я, не рассчитав сил, бью девочку по спине, кажется, даже не один раз. Вот она уходит в слезах, хлопает дверь. Вот мой новый босоножек, оставшийся в горячей смоле. И я соврал, что в то лето я запомнил только Надины руки. И еще кое-что. Я разочаровал ее. Последнее что я помню. Кражу ли, убийство ли я совершил, но она сказала, глядя сверху в глаза сказала – Нехороший ты, мальчик.

Бедность – это обугленный куст.

В детстве я воровал все что видел. Хлеб воровал прямо с хлебозавода, шифер снимал, ножи вытаскивал у спящих алкашей, даже отсасывал бензин с соседских машин. Меня увлекал сам процесс. Я не переваривал кабачки, но все равно крал их у сумасшедшей бабки, чтобы разбить о землю. Был еще случай, когда мы с другом украли из детского сада мешок маленьких противогазов. Мы спрятали его в собачьей будке, а потом хозяйка вернулась и покусала нас. Но я, разумеется, объявил, демонстрируя раны, что поставил эту суку на место. Я был тогда очень лихой и наглый, потому что рядом была девочка, которую я, ну. Она была блондинка. Для нее я придумывал разные истории, много разных историй о своем воровстве. В них я представлял бедным и благородным, а иногда не представлял – хороших парней девочки не любят. Эту игру можно вести бесконечно, главное не допускать перегибов. Вот тут ты вроде всерьез, а тут взял и высмеял все, что говорил и обещал, в чем клялся. Когда я был излишне жесток, она злилась на меня и жаловалась, что я скривил ей позвоночник, и ее рост и развитие пошли с тех пор

не в ту сторону. Однажды она даже призналась, что ненавидит меня, а я засмеялся, и она засмеялась. Одну историю я ей не рассказывал. Историю про куст. Мы любили есть крыжовник с одного куста, и как-то раз хозяин куста поставил на нас ловушку с зеленкой. В качестве ответного жеста я поджег этот куст, предварительно нашпиговав бумагой. Когда вспыхнул огонь, я убежал, а потом вернулся посмотреть, что стало с кустиком. Он стоял точно так же как стоял, на нем даже висели редкие ягодки. Но я понял, что больше он не зацветет и больше никогда не ходил к нему.

Бедность – это смиренная рубашка без рукавов.

У нас во дворе жил Калмык. Он жил со своим приемным отцом, Калмыком-старшим, на первом этаже. Он часто строил для нас из деревьев всякие ребяческие приспособления. Но столь же часто, руководствуясь каким-то необъяснимым порывом, ломал все, что построил. В один жаркий день я и мой друг пошли с ним в город. С ним было интересно ходить в город. Всю дорогу он рассказывал разные истории про жизнь. Как-то он проболтался, что жизнь, как, блядь, ее не живи, один хуй, в пизду катится, и что любил он один раз, и что любит с тех пор, и что курить нам нельзя, никогда, вот. Но в тот день истории его не начинались и не заканчивались, а просто шли вместе с нами утаенные, изнемогая от солнца. Редкий голос Калмыка был каким-то притворным, и я от скуки стал смотреть на его руки. Калмык вдруг соединился с моими смутными представлениями о наркоманах, и я перестал смотреть. Вернувшись, я рассказал о своем открытии блондинке, и она пожалела Калмыка. Я говорил, чтобы она не жалела его, а она говорила – Жалко. Больше я ничего не говорил. Вскоре она уехала. Она всегда приезжала только на несколько летних дней. То были последние несколько дней. Спустя пару лет Калмык убил Дюймовочку – нашу старуху соседку. Она давно схоронила своего крота и считалась богатой, потому что почти ничего не ела, но в долг Калмыку не дала. Тогда он пробил ее храбрую голову ножницами и унес все, что смог унести до ближайшего райцентра, где его и взяли. Дали ему десять лет. Уже скоро он вернется домой, а может, и все мы вернемся и заживем как в старые добрые времена.

*Остальное рассказать невозможно. Я замолкаю и иду босиком.

Анастасия Волохова

Vita sacra

Голая жизнь настолько обнажена, что тебе трудно ее найти.

Жизнь может быть только в голом виде, вся собственность, все что пытается заключить ее в какие-то рамки — лишает ее своей свободной подвижности. Жизнь показывает себя в момент, когда рядом сосуществует опасность, смерть или праздник. Голая жизнь проявляет себя в мгновениях эксцесса, экспромта, случая, удивления, шока, эксперимента, фокуса, обмана, победы, ужаса... Она там на пороге скуки и смеха, отвращения и восторга.

Где же она эта жизнь? Не больше ли она чем человек? Голая жизнь любит грязь, хаос, эротику, те места, где можно разыграться. Vita sacra - святой ручей жизни, его не осквернит и не запачкает никакое болото и никакие темные закоулки. Голая жизнь не тогда и не потом, она только сейчас.

Алексей Кузнецов

выйди на улицу – верни себе голод

Акция - интервенция, акция - призыв, акция - шаманизм, проповедь. Призыв ко всем, кто его услышит без страха или в отчаянии, без сожаления или в тоске, без веры или в предвосхищении, вернуть себе голод по жизни. Голод, который не утолим ничем, кроме самой жизни. Голод по воплощению в нового человека при жизни, который не утолит ни одна из религий или духовных практик дающих ложный опыт. Голод, который ждёт наших тел, голод который утоляется социальным самопожертвованием, пылающее жерло которого лежит прямо под ногами, но в которое можно войти подготовленным лишь осознав неизбежность своей бедности. Не надо бояться огня улиц — если мы готовы и полны решимости он переплавит нас в новых людей с одним языком и одним опытом, кем бы мы ни были.

Марина Шамова

Коллективное тело взаимослышания

Как говорить о бедности?

Что происходит, когда богатый «бедный дискурс» недостаточно богат для того чтобы передать телесность, то единственное, что бедное имеет в «собственности». Бедность говорит на языке выживания и создает свое «тело», с опытом исключенности и борьбы за существование. Как быть внимательным к этому телу и увидеть его? Каждый из нас по-разному расставляет акценты в проблематике бедности, но вчувствоваться в реальность нам помогает такое качество как взаимослышание. Телесные практики способствуют развитию этого качества, через фокус внимания и рефлексии. Практикуя взаимослышание в рамках перформанса мы практикуем внимание друг к другу и к повседневной жизни.

Перформанс представлен как процесс, который длится во времени, охватить его целиком как форму не представляется возможным взглядом. Этот перформативный процесс реализуется, как объект высказывания. Совместное пребывание в его непрерывном становлении, изменении и нарушении границ, делает возможным его завершенность — если под завершенностью понимать проживание присутствия, и возможность наблюдать за изменением хода действий, состояния перформеров, общей атмосферы перформанса. Важно, что понятие «завершенности» представлено как открытый «незавершенный» процесс т.к. через это противоречие перформанс расширяет рамки линейной структуры, такой как — «завязка, кульминация, развязка».

Каким образом пространство влияет на нас, как мы можем взаимодействовать с ним? Как понимать «другого»?

Важная часть нашей работы направлена на исследование пространства Лиговский 50. Со своей, каждый день новой повседневностью пространство создает «события», которые перформер может заметить и сделать «видимыми» своими действиями. «В какой-то момент я вижу магазин с товарами, затем рабочего открывающего дверь, слышу звук камней под ногами, чувствую запах дыма поезда...». Это все то, что стало для

меня событием «сейчас». Я могу попробовать что-то изменить или оставить как есть, это выбор.

Тело — как «материал», с которым работает перформер, не возможно заменить на другой, приобрести более усовершенствованный или отдать в ремонт. «Подручный материал», всегда и везде готовый к работе, тело, требует к себе особого внимания и бережности. Такого отношения требует и материал «другого» - другого человека. Пусть в контексте перформанса это со-товарищ по процессу — перформер, дома это твой близкий, у входа в метро бродяга, в очереди бабушка. Внимательность в отношении к «другому» не зависит от статуса, пола, гендера, ориентации, уровня дохода и т.п.

Перформеры — мы — работаем с осознанным движением, действием, речью. Телесные практики помогают нам изучать тело, искать способы работы с ним. Мы пробуем найти ясность намерения в вербальной и невербальной коммуникации, друг с другом и со зрителем — им может стать случайный прохожий. Условия улицы и формат перформанса, не предполагающий сценическое пространство, ставят зрителя скорее в положение «наблюдателя - участника», перемещения которого не ограничены.

Существование в рамках перформанса предлагает нам быть в процессе обнаружения собственной бедности, исследовать тему интересующих отношений и пространства. Мы предлагаем увидеть путь изменений невидимых «рутинному глазу», чтобы встретиться с «событием», которое повлияет на следующий путь изменений.

Участники перформанса: Татьяна Пильникова, Жанна Долгова, Лена Александрова, Анна Аверьянова, Юлия Долгова, Юлия Вороновская, Марина Шамова, Наталья Рузаева, Антон Мамрашев.

ХУДОЖНИК-ПРОСТИТУТКА

Алия Маржанова:

Культурный капитализм оккупировал искусство.

Чем оно беднее, в эстетическом и политическом смысле, тем более возвышена символическая прибыль.

Шарль Бодлер:

Что есть искусство? Проституция.

Нет такого возвышенного удовольствия, которое нельзя было бы возвести к проституции.

Андреа Фрейзер:

Сегодня я - не личность. Я - объект искусства.

Я хочу быть красивой.

Это красивая выставка, не так ли?

Сергей Маслов: Тот, кто смотрит мои картины, окрыляет мою душу.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ ПРОТИВ ЭКСПЛУАТАЦИИ!

Эта публикация осуществлена в рамках весеннего показа работ участников Школы Вовлеченного Искусства 2016 года – трехдневного фестиваля в пространстве Лиговского 50 (03-05 июня 2016). Фестиваль состоит из серии выставок, перформансов, квестов, видео показов, открытого лектория ШВИ и других элементов. Центром фестиваля стал ДК РОЗЫ. Проект реализован при поддержке Фонда Розы Люксембург

Участники фестиваля: Анна Аверьянова – Александр Белоусов – Ирина Бутковская – Ульяна Быченкова - Анастасия Волохова - Павел Гражданский - Жанна Долгова – Надежда Ишкиняева - Екатерина Иванова – Олеся Качановская - Татьяна Пильникова - Сюзанна Ориордан – Екатерина Михатова - Анастасия Макаренко – Антон Карманов - Алексей Кузнецов – Юлия Кожемяко – Петр Папасов – Алена Петит – Владимир Колбатов - Юлия Логвинова– Ирина Кудря - Анна Курбатова - Инна Краснопер - Лена Ревунова – Руслан Рычагов – Марина Русских – Мария Рыбка - Наталья Панкина - Артем Терентьев – Марина Шамова – Герман Шнайдер – Екатерина Щеголькова – Павел Хайло

Гости фестиваля (участники ДК РОЗЫ): Кооператив Швемы и кружок «Детское Время» (руководитель Екатерина Шипкова), а также множество друзей, включившихся в процесс работы над фестивалем.

Работы всех авторов и коллективов представлены в гиде фестиваля

Школа Вовлеченного Искусства – инициатива коллектива Что делать. Эксперимент эгалитарного (само)образования в области современного искусства, ставящий под вопрос, что есть искусство и что есть художник сегодня. Поиск ответа проходит через скрещение поэзии и социологии, хореографии и активисткой политики, политэкономии и идеи возвышенного, истории искусства и милитантных исследований, гендерных и квир-экспериментов с драматическим театром, борьбы культурных работников за свои трудовые права с «романтическим» видением искусства как миссии и так далее.

Тьюторы Школы Вовлеченного Искусства: Дмитрий Виленский | Цапля Ольга Егорова | Николай Олейников | Нина Гастева

Мнение фонда может не совпадать с мнениями авторов

Эта публикация
реализована при
поддержке

**ROSA
LUXEMBURG
STIFTUNG**

Обложка и задник газеты: графика Натальи Панкиной

Композиция номера и верстка: Дмитрий Виленский

Тексты: участники ШВИ

Литературная редакция: Александр Скидан

www.chtodelat.org; контакт: dmvilen@gmail.com

отпечатано в типографии ПрофПринт / 194362, Санкт-Петербург, пос.Парголово, ул.Ломоносова, д.113 / Номера заказа: